

УДК 7.033.5
ББК 85.103(3)

Семья с детьми за праздничным столом: оригинальный иконографический мотив в еврейских манускриптах XIV–XV вв.

Дильшат Догановна Харман

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0003-0653-7303

Центр визуальных исследований Средневековья и Нового времени
Российского государственного гуманитарного университета
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
Тел.: +7(495)123-45-67, Fax: +7(495)234-56-78
E-mail: rsuh@rsuh.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2020.2

Аннотация: Филипп Арьес, один из первых исследователей средневековой семьи (1960), полагал, что детство не было обособленным культурным периодом и не признавалось таковым взрослыми вплоть до XVI–XVII вв. С того времени появилось много исследований, посвященных средневековому детству, в которых идеи Арьеса ставились под сомнение, но все они основывались на текстах, изображения в них привлекались лишь в качестве иллюстраций. Поэтому никто не подвергал сомнению утверждение Арьеса о том, что изображений детей в кругу семьи, за вычетом сцен Святого семейства, в Средние века не существовало. В статье я оспариваю этот тезис. Изображения семей с детьми появляются в XIV в. среди ашкеназов, то есть евреев Германии и Северной Франции, а позднее – и в среде сефардов, то есть евреев Испании, Португалии и Южной Франции. Хотя появление этих сцен и можно объяснить чисто ритуальными причинами, ими оно не исчерпывается и изучение подобных изображений может послужить дальнейшему углублению наших знаний о средневековой семье в целом и средневековой еврейской семье в частности.

Ключевые слова: *Агада, иконография, семья, средневековое еврейское искусство, средневековые манускрипты*

Представления о семье сегодня и в Средние века

Сегодняшняя семья – продукт человеческой истории, эволюции. Ее изучение началось не так давно, с XIX в., когда историей семьи впервые заинтересовались антропологи. Определения семьи, семейства, которые можно найти в словарях Нового и Новейшего времени (например, «совокупность близких родственников, живущих вместе» [Даль 1866], «группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе» [Большой толковый словарь 1998] или «общественный механизм воспроизводства человека, отношения между мужем и женой, родителями и детьми, основанная на этих отношениях малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [Энциклопедический социологический словарь 1998]) основаны на том концепте семьи, который начал складываться именно с того времени.

В Средние века «семья» означала или родственников, которые обязательно живут вместе, или всех, живущих под одной крышей, не всегда родственников. Анализируя определения из английских и французских словарей и энциклопедий начиная с XVII в., Жан-Луи Фландрен пишет, что только в XIX в. концепции проживания под одной крышей и родства стали постоянно объединяться в коротких формулах, определяющих понятие семьи [Flandrin 1979, 9]. Еще более категоричны Фрэнсис и Джозеф Гис: «до XVIII века ни в одном европейском языке не было термина для группы из матери, отца и детей» [Gies, Gies 1987, 4]. Таким образом, привычная нам триада «отец – мать – дети» и средневековая семья совершенно не идентичны.

Следующий важный виток изучения семьи начался в 1960 г. с публикацией книги Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» (*L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*; рус. перевод 1999). Главным тезисом Арьеса был тот, что понимание детства как отдельной фазы в жизни приходит к человечеству только в XVI–XVII вв., когда ребенок / дети становится центром новой «нуклеарной» семьи. Проще говоря, он полагал, что в средневековом обществе детство не существовало как таковое, и родители, ввиду высокой детской смертности, старались не особенно привязываться к детям. Все дальнейшие исследователи истории семьи отталкивались от этого труда Арьеса, или радикализуя его [Shorter 1975,

De Mause 1974], или полемизируя с ним, раскрывая более сложную природу средневекового детства [Hanawalt 1986; Schultz 1995; Orme 2003 и др.].

Исследования последних лет не только показали, что современная семья и семья в Средние века – совершенно различные вещи. Оказалось, что и никакого единого понятия «средневековая семья» не существует, но мы имеем дело с громадным разнообразием социальных и культурных паттернов в зависимости от периода, региона и положения в обществе.

Желая подчеркнуть, насколько еврейская средневековая община отличалась от христианской, такие исследователи, как Симха Гольдин [Goldin 1989], Израиль Та-Шма [Ta-Shma 1991] и Эфраим Канарфогель [Kanafogel 1992], утверждали, что в отличие от христиан, средневековые евреи заботились о своих семьях и детях и любили их. Этот тезис базируется на традиции еврейских историков XIX в.: еще Израэль Абрахамс писал, что для еврея дом – это то место, где он проявляет себя лучше всего [Abrahams 1896].

Важными трудами по истории средневековой еврейской семьи стали «Ритуалы детства» Айвэна Маркуса [Marcus 1996] и «Матери и дети» Элишевы Баумгартен [Baumgarten 2004], в которых на основе ашкеназского материала изучается жизнь средневековой еврейской семьи, причем большое внимание уделяется обрядовым моментам. Мы видим, что важнейшим инструментом исторического анализа в последние годы стало изучение ритуала: благодаря ему мы стали лучше понимать, какую роль играли отдельные люди в своих общинах [Ibid., 16]. Однако «ритуальные» миниатюры в еврейских манускриптах, то есть те, которые изображают участие членов общины в праздничных и покаянных ритуалах, всё еще изучаются только с художественной или буквально-иконографической точек зрения. В этой статье я рассмотрю их в контексте изучения представлений о семье.

Семья в миниатюрах еврейских манускриптов

Филипп Арьес считал, что до XVI в. в европейском искусстве не было изображений семей. Только в XV в. «появляется потребность какими-то скромными средствами выразить тесный союз супружеской

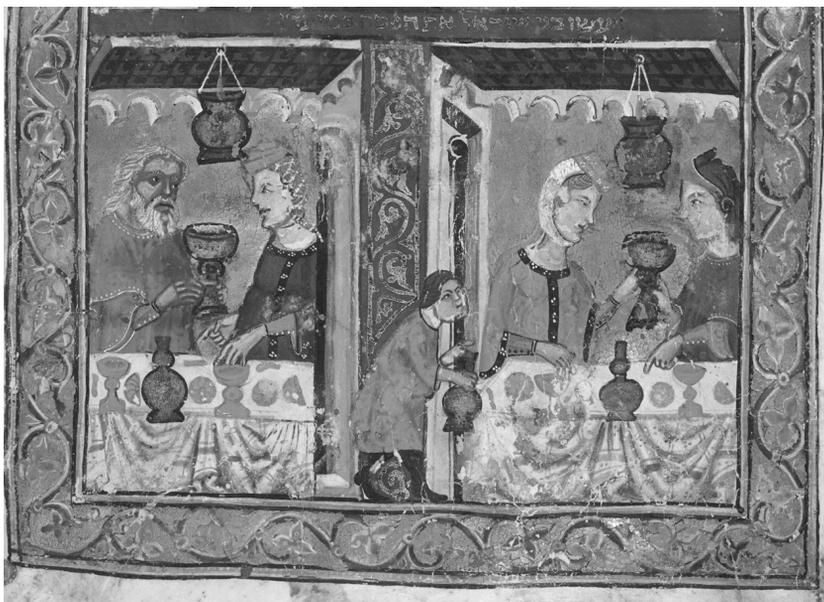
Ил. 1

Пасхальный седер. Миниатюра из Агады-Брата. Около 1350/1374 гг.
Британская библиотека, Лондон. Ms. Or. 1404. Fol. 8r

четы» [Арьес 1999, 339], но детей на этих изображениях еще нет, лишь мужчины и женщины «одного дома в повседневной работе». В течение двух последующих столетий «[ч]астная жизнь, столь скрытая в Средневековье, заполняет иконографию» [Там же, 345]. Конечно, Арьес имеет в виду именно светскую иконографию, а не сцены, связанные с детством Иисуса и святых. Он отмечает, что если раньше родители и дети могли присутствовать на религиозных картинах в качестве донаторов, то теперь «[в]се происходит так, будто дарители захватили все полотно, вытеснив религиозный образ» [Там же, 347]. Именно анализ визуальных источников наводит исследователя на мысль, что «“чувства семьи” не существовало в Средних веках, и оно окончательно сформировалось лишь к XVII веку» [Там же, 351].

Тем не менее родители, сидящие с детьми за одним столом, встречаются в качестве постоянного мотива в еврейских средневековых манускриптах (как сефардских, так и ашкеназских) начиная с XIV в. Этот мотив почти всегда связан с празднованием Песаха и появляется либо в пасхальных Агадот, либо в сборниках, включающих в себя описание порядка празднования Песаха (например, махзорах).

Чаще всего текст Агады сопровождается миниатюрами с изображением взрослых членов семейства, мужчин и женщин вместе или по отдельности. Так, в Агаде-Брате [Агада-Брат] на одной миниатюре мы видим за общим столом четырех седобородых стариков, двух женщин в головных уборах и пять молодых безбородых мужчин [Ibid., fol. 8r] (ил. 1); на другой же – два стола, и за каждым сидит пара «мужчина – женщина» [Ibid., fol. 7v] (ил. 2). Встречаются (видимо, под влиянием христианских изображений Тайной вечери) и такие миниатюры, где за пасхальным столом сидят только мужчины – например, в Ашкеназской Агаде [Ашкеназская Агада, fol. 6r]. Есть и такие рукописи, где вообще нет изображений людей, сидящих за столом [Первая Пармская Агада] или же праздничный стол показан в виде натюрморта [Агада из Колоньи, fol. 5r].

Ил. 2

Пасхальный седер. Миниатюра из Агады-Брата. Около 1350/1374 гг.
Британская библиотека, Лондон. Ms. Or. 1404. Fol. 7v

Ил. 3

Мать, отец и ребенок за пасхальным столом.
 Миниатюра из Пармской Испанской Агады. XIV в.
 Библиотека Палатина, Парма. Ms. Parm. 2411. Fol. 39v

Однако уже в XIV в., то есть очень рано по европейским меркам, в ашкеназских и сефардских манускриптах появляются такие изображения семьи за праздничным столом, на которых присутствуют дети. Ребенок сидит за столом в Птицеголовой Агаде (ок. 1300 г.) [Птицеголовая Агада, fol. 26v] в компании двух женщин и двух мужчин; два мальчика и девочка сидят за столом с отцом и матерью в Сараевской Агаде [Сараевская Агада, fol. 31v]; мать, отец и ребенок поднимают чаши в Пармской Испанской Агаде [Пармская Испанская Агада, fol. 39v] (ил. 3). В XV в. ашкеназы продолжают изображать детей [Агада Хилека и Билека, ff. 20v, 22v], проникают такие рисунки и на страницы итальянских манускриптов: в Агаде Мёрфи [Агада Мёрфи, fol. 1v] мы видим за столом рядом с отцом и матерью трех мальчиков и одну девочку, а в Махзоре из Реджо [Махзор из Реджо, fol. 61v] изображается, как множество мальчиков поднимают корзину.

Ил. 4

Неизвестный художник. Кальвинистская семья. 1627 г.
Рейксмузеум, Амстердам

За пределами пасхального контекста мотив «семьи с детьми за столом» известен мне только в одном манускрипте – итальянском махзоре [Махзор Ротшильд-Вайль, р. 505], где семья, состоящая из отца, матери и троих сыновей, сидит за столом в сукке.

Означают ли эти и другие примеры, что правы те исследователи, которые утверждают, будто в иудейских семьях к детям относились с большей теплотой и любовью, нежели в христианских? Скорее, причину следует искать в том, что изображение детей обуславливалось ритуальной необходимостью. Пасхальный седер у средневековых евреев так же, как и сегодня, праздновался в домашней обстановке, когда за столом действительно собирались самые разные члены семьи. Более того, сам порядок седера требовал участия детей в определенный момент (вопрос «Чем эта ночь отличается от других ночей?» должен задавать самый младший участник – ребенок). Когда в XVII в. в христианской традиции массово распространяется тип изображения «семья за столом» – будь то портрет или жанровая кар-

тина, – это тоже связано с ритуалом. Такой сюжет становится популярным в лютеранской и кальвинистской среде, где подчеркивалось значение семьи как «малой Церкви» [Franits 1986]: вся семья изображалась за столом в момент произнесения благословения (ил. 4).

Средневековые богословы, как еврейские, так и христианские, различали понятия «естественной» любви к детям и более высокой, духовной [Baumgarten 2004, 158–165]. Первая была более присуща матерям и относилась в основном к маленьким детям. Вторая – отцам, которые, желая детям всего самого лучшего в духовном и моральном плане, отвечали за образование отпрысков и за наказания ради исправления. Общепринятым было мнение, что отцы начинают любить и заботиться о детях, когда те вступают в разумный возраст. Интересно, что изображения семьи за пасхальным столом отражают именно эту реальность – родители и достаточно взрослые, разумные дети, не младенцы. Кроме того, гораздо чаще рисовались сыновья, а не дочери, то есть те, кто должен во время празднования Песаха задавать вопросы.

Дети за столом: сефардский и ашкеназский примеры

Смысл мотива «семья с детьми за столом» становится яснее всего, когда мы сопоставляем миниатюры с текстом, который располагается на той же или на ближайшей странице. Я рассмотрю два примера использования этого мотива – в сефардской [Барселонская Агада] и в ашкеназской [Вторая Нюрнбергская Агада] рукописях.

В Барселонской Агаде имеются четыре миниатюры, на которых изображены дети, сидящие со взрослыми за столом. Первая из них (fol. 17v, ил. 5) представляет собой часть декоративного оформления начала Агады – «Атан мипирка». Это арамейский текст, своего рода инструкция к действию: «Они возвращаются с молитвенного собрания, протирают чашу, наливают вино и произносят благословение на вино и киддуш». Собственно, этот момент мы и наблюдаем на миниатюре: глава семьи поднимает первую чашу вина, а за столом сидит женщина и четверо ее сыновей. Один из них совсем маленький, другой уже с бородой, третий молодой безбородый юноша, а четвертый одет в странный костюм, напоминающий шутовской, он наливает себе в чашу вина. Возможно, четыре сына в начале

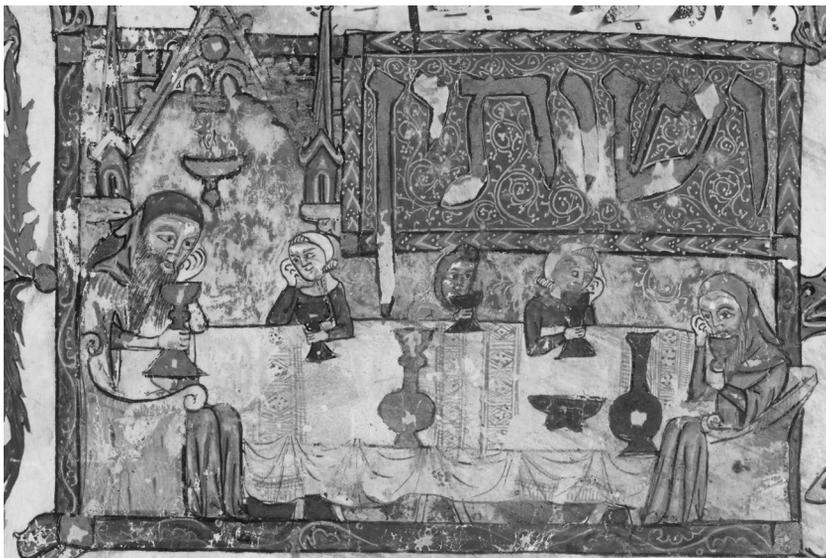

Ил. 5

Первая чаша вина. Миниатюра из Барселонской Агады. Середина XIV в.
 Британская библиотека, Лондон. Ms. Add. 14761. Fol. 17v

Барселонской Агады изображают четырех сыновей из текста Агады: умного, злодея, простака и не умеющего даже задать вопрос. Умный сын зачастую рисуется в виде ученого с бородой, а не умеющий задать вопрос – в виде дурака или шута [Галахический сборник, fol. 61v; Агада Мёрфи, fol. 6 и др.].

Вторая иллюстрация с детьми за столом в этой рукописи (fol. 19v, ил. 6) – тоже часть начального слова следующего раздела «Вэ шотин» («И пьют»). Снова речь идет о первой чаше вина на седере, но на этот раз перед зрителем уже не символические четверо сыновей, а двое бородатых мужчин один напротив другого, а между ними женщина и двое мальчиков в головных уборах-калях. Миниатюра, очевидно, демонстрирует правильный способ пить вино – облокачиваясь на руку, как свободные люди. И теперь художник явно изображает людей разных возрастов и полов не только для пушего разнообразия, но и имитируя реально проходивший седер.

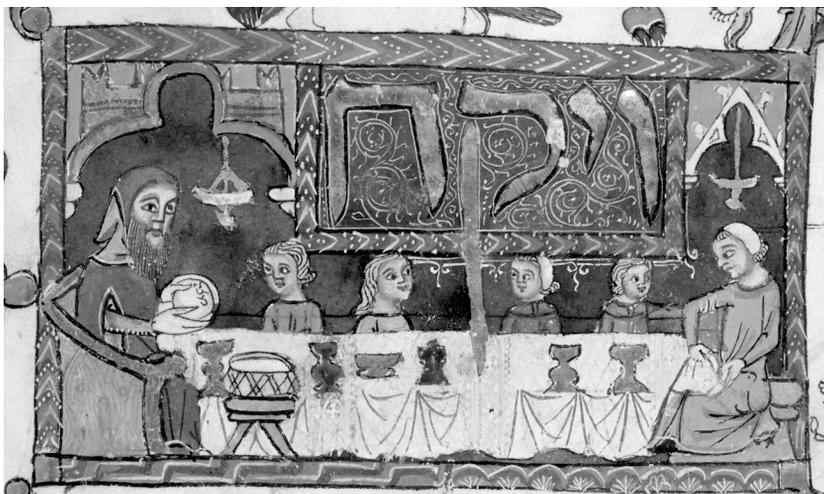

Ил. 6

Правильное положение за пасхальным столом.

Миниатюра из Барселонской Агады. Середина XIV в.

Британская библиотека, Лондон. Ms. Add. 14761. Fol. 19v

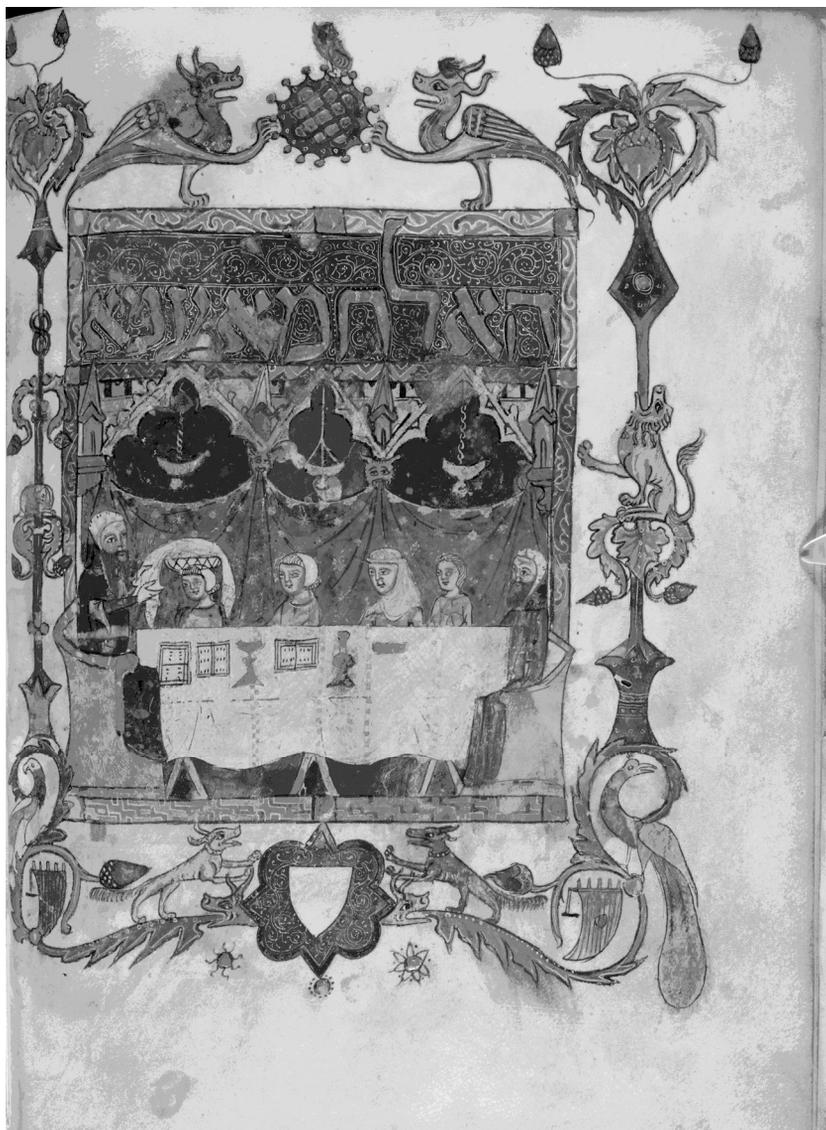

Ил. 7

Афикоман. Миниатюра из Барселонской Агады. Середина XIV в.
Британская библиотека, Лондон. Ms. Add. 14761. Fol. 20v

Третья иллюстрация, на которой мы видим семью с детьми за столом (fol. 20v, ил. 7), относится к тексту об афикомане. Это часть мацы, которую по традиции заворачивают и прячут, а в конце седера дети ищут ее. Именно эти «прятки» и изображены на миниатюре. Слева во главе стола сидит отец семейства, серьезный мужчина с бородой. Он держит в руках круглую мацу. На другом конце стола молодой человек – старший сын? – прячет мацу в ткань, и при этом за руку его хватается один из четырех детей, сидящих за столом. На этой миниатюре нет матери детей. Возможно, художник не нарисовал ее, так как она совершенно не нужна для сюжета: его цель показать здесь веселую забаву для детей, и они становятся главными героями. Мы можем ясно разглядеть их заинтересованность и нетерпение.

Наконец, последняя иллюстрация в Барселонской Агаде, на которой представлена семья с детьми за столом (fol. 28v, ил. 8), полностраничная. Сверху написаны начальные слова гимна «Ха лахма аний» («Вот скудный хлеб...»). Слева во главе стола вновь сидит

Ил. 8

«Вот скудный хлеб...». Миниатюра из Барселонской Агады. Середина XIV в.
Британская библиотека, Лондон. Ms. Add. 14761. Fol. 28v

отец семейства, напротив него – еще один бородач. За столом мы видим мать и троих детей (все мальчики), причем на голову ближайшего к отцу тот водружает пасхальное блюдо. Этот обычай – класть на голову присутствующих или пронести над их головами пасхальное блюдо – до сих пор сохранился в некоторых восточных общинах. Объяснения ему в самой Барселонской Агаде нет, однако позднее, изучая аналогичные обряды, рав Шем-Тов Гагуин предположил, что цель их состоит в том, чтобы удивить детей и побудить их задавать вопросы о смысле происходящего [Левин 2009].

Таким образом, мы видим, что на всех иллюстрациях Барселонской Агады дети появляются неслучайно. Их присутствие обусловлено или самим текстом, или же является своеобразным визуальным комментарием / дополнением к содержанию.

Во Второй Нюрнбергской Агаде дети за праздничным столом изображены четырежды, как и в сефардской рукописи. В этой рукописи, кроме содержащегося в ней текста самой Агады, миниатюры, расположенные на полях, снабжены собственными подписями.

Первая миниатюра такого рода (fol. 5v, ил. 9) находится под текстом киддуша и изображает первую чашу вина. Справа – отец семейства, поднимающий золотую чашу с вином; за столом сидят и внимают ему мать, девочка, мальчик и еще один мужчина. Подпись над головой отца поясняет: «Он благословляет милостивого Бога благословениями праздника»¹. Появление детей, как и в Барселонской Агаде, объясняется тем, что нужно представить изображение идеального праздника, где присутствуют родители и дети и всё совершается в нужном порядке: к первой чаше все сидят за столом и соблюдают иерархию.

На следующей иллюстрации (fol. 6r, ил. 10) мы наблюдаем привычную нам триаду «отец – мать – ребенок» за маленьким столиком, на котором стоят миски с зеленью и уксусом. Эта картинка располагается под текстом, поясняющим, как надо поступать с карпасом на седере: «Без изъяна, без вреда первое погружение – в уксус». Здесь ребенок изображается, так как необычное начало ужина с карпасом должно вызвать удивление у детей и заставить их задавать вопросы.

¹ Здесь и далее переводы надписей во Второй Нюрнбергской Агаде даются по описанию Бецалеля Наркисса: <https://www.nli.org.il/media/1761/secondnurnberghaggadah.pdf>.

Ил. 9

Первая чаша вина. Миниатюра из Второй Нюрнбергской Агады.
Вторая половина XV в. Частное собрание. Fol. 5v

Ил. 10

Карпас. Миниатюра из Второй Нюрнбергской Агады. Вторая половина XV в.
Частное собрание. Fol. 6r

Еще одна миниатюра с детьми за маленьким столиком (fol. 6v, ил. 11) напоминает об афикомане. Отец сидит за столиком, на котором лежит большая маца, а перед ним стоят три сына. Надпись: «Мальчики протягивают руки, чтобы получить афикоман от своего отца».

На той же странице, под первым словом фразы «Вот скудный хлеб», – еще одна миниатюра с семьей за столом. Мать и отец поднимают блюдо с мацой, а двое детей, довольно большие мальчик и девочка, наблюдают за тем, что происходит. Над ними надпись: «Поднимают блюдо и читают вслух» (fol. 6v, ил. 12).

В трех случаях из четырех миниатюры с детьми в Барселонской и Второй Нюрнбергской Агадот расположены соответственно одним и тем же местам текста: первая чаша вина, афикоман, поднятие блюда с мацой при словах «Вот скудный хлеб». Кроме того, в Барселонской Агаде дети появляются в сцене, где правильно пьют первую чашу, облокачиваясь на одну руку, а во Второй Нюрнбергской – там, где нужно показать порядок употребления карпаса.

Ил. 11

Афикоман. Миниатюра из Второй Нюрнбергской Агады.
Вторая половина XV в. Частное собрание. Fol. 6v

Ил. 12

«Вот скудный хлеб...». Миниатюра из Второй Нюрнбергской Агады.
Вторая половина XV в. Частное собрание. Fol. 6v

Кроме того, следует отметить, что в обоих манускриптах есть сцена, где ребенок / дети подходит к отцу. В Нюрнбергской Агаде (fol. 7r, ил. 13) ребенок подходит к сидящему на кресле без спинки отцу, оба активно жестикулируют. Надпись на свитке над ними поясняет происходящее: «Сын спрашивает своего отца: почему соблюдают этот обычай во всем (Израиле)?». В Барселонской Агаде (fol. 21v, ил. 14) трое детей стоят перед отцом, держащим кувшин с вином; эта миниатюра располагается на странице, где говорится о порядке благословения вина в том случае, когда канун Песаха приходится на субботу. Подобные сцены также встречаются и в других рукописях [Северофранцузский сборник, fol. 205r; Агада Яхуды, fol. 6v и др.].

Ил. 13

Отец и сын. Миниатюра из Второй Нюрнбергской Агады.
Вторая половина XV в. Частное собрание. Fol. 7r

Ил. 14

Отец и дети. Миниатюра из Барселонской Агады. Середина XIV в.
Британская библиотека, Лондон. Ms. Add. 14761. Fol. 21v

Подытоживая, можно сказать, что, хотя дети не являются необходимым элементом в изображении праздничного пасхального стола (в той же Второй Нюрнбергской Агаде гораздо больше застольных миниатюр только со взрослыми), они появляются в тех случаях, когда их присутствие ритуально обусловлено (афикоман, карпас, вопрос о происходящем, подъем блюда с мацой), является символическим (четверо сыновей) или легко объясняется желанием художника подчеркнуть правильный состав участников седера (первая чаша вина) и важность того или иного обычая для всех присутствующих (облокачивание на одну руку).

Однако изначальная «ритуальная» причина появления детей на миниатюрах совершенно не исключает того факта, что художник изображает их с воодушевлением и даже радостью, подмечая и реалистически передавая детское нетерпение и удовольствие от праздника. Ритуал диктует художнику то, что должно / может быть изображено, но устоявшиеся мотивы и формы в искусстве в свою очередь начинают воздействовать на мировоззрение и обычаи людей. Таким образом, связь жизни средневековой еврейской общины и ее художественного воплощения в искусстве того времени является отнюдь не односторонней.

Заключение

Один из самых сложных вопросов в отношении средневекового искусства и искусства вообще – это то, в какой мере оно отражает реально существующую ситуацию. Целью художника и его заказчика может быть создание идеальной картины, к которой надо стремиться, карикатуры на существующие порядки, аллегории, понятной посвященным, и т.д. Как нам кажется, в средневековом еврейском искусстве мотив семьи с детьми за праздничным столом появляется раньше, чем в средневековом христианском искусстве, в силу того, что Песах – главный праздник в иудаизме – предусматривает непременно и активное участие детей в седере. Поэтому делать на основе имеющихся миниатюр выводы об особых, более теплых и эмоциональных, чем в семьях христиан, отношениях родителей и детей в еврейских семьях ашкеназов и сефардов XIV–XV вв. было бы неверно.

Элишева Баумгартен пишет, что «любые попытки определить, какая община была лучше или хуже, ведут к оценочным суждениям, основанным на принципах, которые укоренены в современной жизни и обладают ограниченной ценностью для понимания прошлого» [Baumgarten 2004, 15].

Если отказаться от попыток оправдать одну общину и осудить другую, изучение истории мотива «семьи с детьми» может не только пополнить наше знание о том, во что верили и что считали ценным в средневековый период. Его раннее появление и последовательное обращение к нему в еврейском искусстве способствовало в конечном итоге созданию идеала «еврейской семьи» и мифа о том, что отношения в ней всегда отличались от тех, что были в семьях христиан. Как писал Боярин, «большая часть того, что делает еврейскую семью чем-то особым в истории и культуре Запада, – это идея, что еврейская семья каким-то образом особая» [Boyarin 2013, 2]. Подробный иконографический анализ изображений семьи в еврейских манускриптах Средних веков и Нового времени сможет в будущем прояснить этапы развития этой идеи.

Рукописные источники

Агада-Брат – Агада-Брат. Ок. 1350/1374 г. Британская библиотека, Лондон. Ms. Or. 1404.

Агада из Колоњи – Агада. XV в. Фонд Бодмера, Колоњи. Cod. Bodmer 81.

Агада Мёрфи – Агада Мёрфи. Ок. 1455 г. Национальная библиотека Израиля, Иерусалим. Ms. Heb. 4°6130.

Агада Хилека и Билека – Агада Хилека и Билека. Ок. 1455 г. Национальная библиотека Франции, Париж. Ms. Héb. 1333.

Агада Яхуды – Агада Яхуды. Ок. 1470/1480 гг. Израильский музей, Иерусалим. Ms. 180/50.

Ашкеназская Агада – Ашкеназская Агада. Ок. 1430/1470 гг. Британская библиотека, Лондон. Ms. Add. 14762.

Барселонская Агада – Барселонская Агада. Сер. XIV в. Британская библиотека, Лондон. Ms. Add. 14761.

Вторая Нюрнбергская Агада – Вторая Нюрнбергская Агада. Вторая половина XV в. Частное собрание.

Галахический сборник – Галахический сборник. 1392 г. Британская библиотека, Лондон. Ms. Add. 18684.

- Махзор из Реджо – Махзор из Реджо. 1466 г. Британская библиотека, Лондон. Ms. Harley. 5686.
- Махзор Ротшильд-Вайль – Махзор Ротшильд-Вайль. Ок. 1470 г. Национальная библиотека Израиля, Иерусалим. Ms. Heb. 8°4450.
- Пармская Испанская Агада – Пармская Испанская Агада. XIV в. Библиотека Палатина, Парма. Ms. Parm. 2411.
- Первая Пармская Агада – Первая Пармская Агада. Ок. 1455 г. Библиотека Палатина, Парма. Ms. Parm. 2998.
- Птицеголовая Агада – Птицеголовая Агада. Ок. 1300 г. Израильский музей, Иерусалим. Ms. 180/57.
- Сараевская Агада – Сараевская Агада. Ок. 1350 г. Национальный музей, Сараево.
- Северофранцузский сборник – Северофранцузский сборник. Ок. 1277/1324 гг. Британская библиотека, Лондон. Ms. Add. 11639.

Литература и источники

- Аръес 1999 – *Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Пер. с фр. Я.Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 415 с.
- Большой толковый словарь 1998 – Большой толковый словарь русского языка / Ред.-сост. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>.
- Даль 1866 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Типография Т. Рис, 1866. 626, 4, II с. <http://slovardalja.net/>.
- Левин 2009 – *Левин Е.* Малоизвестные обычаи праздника Песах // Лехаим. 2009. № 4. <https://lechaim.ru/ARHIV/204/levin.htm>.
- Энциклопедический социологический словарь 1998 – Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998. 488 с.
- Abrahams 1896 – *Abrahams I.* Jewish Life in the Middle Ages. Vol. 1. New York: Macmillan Co; London: Macmillan&Co, 1896. 452 p.
- Baumgarten 2004 – *Baumgarten E.* Mothers and Children: Jewish Family Life in Medieval Europe. Princeton: Princeton University Press, 2004. 320 p.
- Boyarin 2013 – *Boyarin J.* Jewish Families. New Brunswick: Rutgers University Press, 2013. 206 p.
- De Mause 1974 – *De Mause L.* The Evolution of Childhood // The History of Childhood / Ed. by L. De Mause. New York: Psychohistory press, 1974. P. 1–73.
- Flandrin 1979 – *Flandrin J.-L.* Families in Former Times: Kinship, Household and Sexuality. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 265 p.
- Franits 1986 – *Franits W.* The Family Saying Grace: A Theme in Dutch Art of the Seventeenth Century // Simiolus: Netherlands Quarterly for the History of Art. 1986. Vol. 16 (1). P. 36–49.
- Gies, Gies 1987 – *Gies F., Gies J.* Marriage and the Family in the Middle Ages. New York: Harper&Row, 1987. 372 p.

- Goldin 1989 – *Goldin S.* Die Beziehung der jüdischen Familie im Mittelalter zu Kind und Kindheit // *Jahrbuch der Kindheit.* 1989. Bd 6. S. 211–233.
- Hanawalt 1986 – *Hanawalt B.A.* The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England. Oxford: Oxford University Press, 1986. 346 p.
- Kanarfogel 1992 – *Kanarfogel E.* Jewish Education and Society in the High Middle Ages. Detroit: Wayne State University Press, 1992. 213 p.
- Marcus 1996 – *Marcus I.G.* Rituals of Childhood: Jewish Acculturation in Medieval Europe. New Haven: Yale University Press, 1996. 191 p.
- Orme 2003 – *Orme N.* Medieval Children. New Haven: Yale University Press, 2003. 387 p.
- Schultz 1995 – *Schultz J.A.* The Knowledge of Childhood in the German Middle Ages, 1100–1350. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. 318 p.
- Shorter 1975 – *Shorter E.* The Making of the Modern Family. New York: Basic Books, 1975. 369 p.
- Ta-Shma 1991 – *Ta-Shma I.* Children in Medieval Germanic Jewry: A Perspective on Ariès from Jewish Sources // *Studies in Medieval and Renaissance History.* 1991. Vol. 12. P. 261–280.

The Family with Children at the Festive Table: an Original Iconography in Jewish Manuscripts of the 14th–15th Centuries

Dilshat Harman

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

PhD in Art History, Senior Fellow

ORCID: 0000-0003-0653-7303

Center for Visual Research of the Middle Ages and Modern Times

Russian State University for the Humanities

125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6

Tel.: +7(495)123-45-67, Fax: +7(495)234-56-78

E-mail: rsuh@rsuh.ru

Summary: Philippe Ariès, one of the first researchers of the medieval family (1960), believed that childhood was not a separate cultural period and was not recognized as such by adults until the 16th–17th centuries. Since that time, there have been many studies devoted to medieval childhood, in which the ideas of Ariès were questioned, but they were all based on texts. Images were used only as illustrations. Therefore, no one questioned Ariès assertion that images of children in the family, except the scenes of the Holy Family, had not existed in

the Middle Ages. In this article, I argue that the images of families with children appeared in the 14th century among the Ashkenazi, that is, the Jews of Germany and Northern France, and later – among the Sephardim, that is, the Jews of Spain, Portugal and Southern France. Although the appearance of these scenes can be explained by ritual reasons, but not solely them, and the study of such images can serve to further deepen our knowledge of the medieval family in general and the medieval Jewish family in particular.

Keywords: *Haggadah, iconography, family, medieval Jewish art, medieval manuscripts*

References:

- Ar'es, F., 1999, *Rebenok i semeinaia zhizn' pri starom poriadke* [The Child and Family Life in the Old Epoch]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta, 415.
- Baumgarten, E., 2004, *Mothers and Children: Jewish Family Life in Medieval Europe*. Princeton, Princeton University Press, 320.
- Boyarin, J., 2013, *Jewish Families*. New Brunswick, Rutgers University Press, 206.
- De Mause, L., 1974, The Evolution of Childhood. *The History of Childhood*, ed. L. De Mause, 1–73. New York, Psychohistory press, 450.
- Flandrin, J.-L., 1976, *Families in Former Times: Kinship, Household and Sexuality*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976, 265.
- Frants, W., 1986, The Family Saying Grace: A Theme in Dutch Art of the Seventeenth Century. *Simiolus: Netherlands Quarterly for the History of Art*, 16 (1), 36–49.
- Gies, F., and Gies, J., 1987, *Marriage and the Family in the Middle Ages*. New York, Harper&Row, 372.
- Goldin, S., 1989, Die Beziehung der jüdischen Familie im Mittelalter zu Kind und Kindheit [The Relationship of the Jewish Family to Child and Childhood in the Middle Ages]. *Jahrbuch der Kindheit*, 6, 211–233.
- Hanawalt, B.A., 1986, *The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England*. Oxford, Oxford University Press, 346.
- Kanarfogel, E., 1992, *Jewish Education and Society in the High Middle Ages*. Detroit, Wayne State University Press, 213.
- Levin, E., 2009, Maloizvestnyye obychai prazdnika Pesakh [Less-known Pesakh customs]. *Lekhaim*, 4. <https://lechaim.ru/ARHIV/204/levin.htm>.
- Marcus, I.G., 1996, *Rituals of Childhood: Jewish Acculturation in Medieval Europe*. New Haven, Yale University Press, 191.
- Orme, N., 2003, *Medieval children*. New Haven, Yale University Press, 387.
- Schultz, J.A., 1995, *The Knowledge of Childhood in the German Middle Ages, 1100–1350*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 318.
- Shorter, E., 1975, *The Making of the Modern Family*. New York, Basic Books, 369.
- Ta-Shma, I., 1991, Children in Medieval Germanic Jewry: A Perspective on Ariès from Jewish Sources. *Studies in Medieval and Renaissance History*, 12, 261–280.